

ЖАЛУЖСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 10.

1889 г. ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ. Мая 31.

I.

Награждены благословеніемъ Св. Синода съ выдачею грамотъ

за пожертвованія — изъ дворянъ дѣвицы, помѣщицы медынскаго уѣзда, Елизавета и Серафима Ларионовы.

Награжденъ Его Преосвященствомъ

набедренникомъ за усердное служеніе церкви Божіей и послушаніе іеромонахъ малоарославецкаго Николаевскаго монастыря *Амеросій*, 9 мая.

Преподано Архипастырское благословеніе Его Преосвященства:

1. Ея высокопревосходительству, супругъ бывшаго военнаго министра Евдокіи Владиміровнѣ г-жѣ Сухозанетъ и г-жѣ Маріи Гежелинской за пожертвованіе въ церковь села Варнавина, перемышльскаго уѣзда, вещей на сумму свыше 150 рублей. 2. Женѣ подполковника генеральнаго штаба Александрѣ Преженцевой за пожертвованіе въ церковь села Закрутаго, жиздринскаго

уѣзда, полного священническаго и діаконскаго облаченія изъ бѣлаго глазета, стоимостью въ 200 рублей.

Объявляется одобрение Епархіальнаго Начальства:

1. Церковному старостѣ села Озерны, медынскаго уѣзда, Николаю Можарову за пожертвованіе въ свою приходскую церковь вещей на сумму 112 рублей. 2. Мѣщанину Сергіева посада Терентію Иванову за пожертвованіе въ церковь села Чемоданова, мешовскаго уѣзда, вещей на сумму 131 руб. 3. Крестьянину дер. Калтенокъ Димитрію Шустову за пожертвованіе въ церковь села Стрѣльны, мешовскаго уѣзда, плащаницы, стоящей не менѣе 100 руб. Прихожанамъ церкви села Озерска, перемышльскаго уѣзда, за пожертвованіе 275 руб. на устройство сребро-позлащенной ризы на образъ святи-теля и чудотворца Николая, равно мѣстному священни-ку Іоанну Сперанскому за умѣнье располагать своихъ прихожанъ къ такому пожертвованію. 4. Священнику се-ла Космачева, жиздринскаго уѣзда, Ѳеодору Любимову и прихожанамъ того села: первому за устройство церков-но-приходской школы, а послѣднимъ—за пожертвованіе на оную матеріала и денежной суммы.

II.

Циркулярное отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода къ Его Преосвященству, Епископу Калужскому, отъ 31 марта 1889 года за № 106, о вмѣненіи учреждаемымъ для повѣрки отчетовъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній Ревизіоннымъ Комитетамъ въ непремѣнную обязанность исполнять въ точности ст. 10-ю правилъ, предложенныхъ имъ Святѣйшимъ Синодомъ въ руководство при повѣркѣ экономическихъ отчетовъ.

Правилами объ учрежденіи временныхъ Ревизіонныхъ Комитетовъ для провѣрки отчетовъ по приходу и расходу суммъ духовно-учебнаго вѣдомства, утвержденными Святѣйшимъ Синодомъ 18/23 октября 1865 г., постановлено (ст. 10), чтобы Ревизіонный Комитетъ, по окончаніи повѣрки экономическихъ отчетовъ, свидѣтельствовалъ, установленнымъ порядкомъ, наличность кассы и правильность храненія оной, при чемъ, изъ подлинныхъ журналовъ удостовѣрялся, производилось ли ежемѣсячное свидѣтельство суммъ и полугодичныя свидѣтельства училищнаго имущества.

Между тѣмъ, при ревизіи въ Контролѣ при Святѣйшемъ Синодѣ представляемыхъ Ревизіонными Комитетами отчетовъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній, усмотрѣно, что такового свидѣтельства весьма часто вовсе не производится, если же и производится (какъ оказывается иногда по сдѣланнымъ сношеніямъ), то не сообщаются Контролю свѣдѣнія объ этомъ, въ прямое нарушеніе вышеупомянутыхъ правилъ, чѣмъ возбуждается излишняя переписка, препятствующая своевременно-

му заключенію ревизіи отчетовъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній.

Въ виду сего, просить Его Преосвященство слѣдять распоряженіе о вмѣненіи учреждаемымъ для повѣрки отчетовъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній Ревизионнымъ Комитетамъ въ непремѣнную обязанность исполнять въ точности ст. 10-ю правилъ, предложенныхъ имъ Святѣйшимъ Синодомъ въ руководство при повѣркѣ означенныхъ отчетовъ.

III.

Свѣдѣнія по Епархіальному Управленію.

Опредѣлены: а) на праздную священническую вакансію къ градо-калужской Воскресенской церкви назначенный законоучителемъ калужской классической гимназіи священникъ Александроневской Кукуйской г. Тифлиса церкви Павелъ *Ливенцевъ*, 17 мая; б) штатнымъ псаломщикомъ при церкви села Игнатовскаго, Шкотовки тожь, Жиздринскаго уѣзда, сверхштатный того же села псаломщикъ Ѳеодоръ *Протопоповъ*, 24 апрѣля.

Священникъ села Желовижи, калужскаго уѣзда, Константинъ *Марковъ*, переведенный въ село Перестряжь, козельскаго уѣзда, согласно прошенію, оставленъ на прежнемъ мѣстѣ при церкви села Желовижи, 18 мая.

Перемѣщены: діаконъ села Ивановскаго, тарусскаго уѣзда, Василій *Соколовъ* въ село Солопенки того же уѣзда; а на мѣсто его въ село Ивановское діаконъ села Солопенокъ Сергѣй *Смирновъ*, по распоряженію начальства, 25 мая.

Уволенъ за штатъ, по слабости здоровья, согласно прошенію, сверхштатный псаломщикъ села Барижи, мало-ярославецкаго уѣзда, Иванъ *Смѣловъ*, 15 мая.

Исключаются изъ списка умершіе: 1) священникъ села Песоченскаго-Завода, жиздринскаго уѣзда, Георгій *Немтшаевъ*, 29 апрѣля; 2) сверхштатный псаломщикъ села Кумовскаго, перемышльскаго уѣзда, Иванъ *Кучинъ*, 11 апрѣля и 3) штатный исправл. должн. псаломщика села Михайловскаго, того же уѣзда, Яковъ *Зайцевъ*, 2 мая.

Имѣются празднаыя мѣста:

1. Священническія: а) при церкви села Мосалова боровскаго уѣзда; б) при церкви села Перестряжи козельскаго уѣзда; в) при церкви села Хрусталеѣ мало-ярославецкаго уѣзда и г) при церкви села Песоченскаго-Завода жиздринскаго уѣзда.

2. Діаконскія въ селахъ: 1) Кудрявцѣ, 2) Котори, 3) Игнатовскомъ, Шкотовкѣ тожъ, и 4) Чернышинѣ, — жиздринскаго уѣзда; 5) Бакѣевѣ мосальскаго уѣзда; 6) Уповевѣ и 7) Колодезяхъ козельскаго уѣзда; 8) Трубинѣ мало-ярославецкаго уѣзда; 9) Колодезяхъ и 10) Ратьковѣ мещовскаго уѣзда; 11) Георгіевскомъ на Полянѣ и 12) Ферзиковѣ калужскаго уѣзда; 13) Сушевѣ и 14) Оедотовѣ боровскаго уѣзда.

3. Псаломщицкія въ селахъ: 1) Людиновѣ жиздринскаго уѣзда; 2) Костинѣ медынскаго уѣзда; 3) Пятниц-

комъ и 4) Михайловскомъ перемышльскаго уѣзда; 5) Шуяхъ и 6) Котовъ мосальскаго уѣзда.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ 1, 2 и 3 ЧАСТИ
ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,
Архіепископа Константинопольскаго.

Подписка принимается и на всѣ *шесть* частей Твореній сего Отца церкви, печатаніе которыхъ будетъ окончено не позднѣе Іюля сего года. Четвертая часть выйдетъ изъ печати въ Маѣ. Цѣна каждой части 1 р. 50 к. съ пересылкою. Адресъ: *въ Сергіевъ Посадъ Моск. Губ., въ редакцію Твореній Святыхъ Отцовъ.*

ЦЕМЕНТЪ НАСТОЯЩІЙ ПОРТЛАНДСКІЙ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ ЗАВОДОВЪ

и алебастръ щекагурный молотый продаются по
весьма умѣреннымъ цѣнамъ
въ лавкѣ **С. К. Чехихиной**

Членъ Консисторіи, Каедральн. Протоіерей *А. Кольбелинъ.*

Секретарь *Н. Разумовъ.*

ПРИВАВЛЕНІЯ

КЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

Цѣна годовому изданію
3 руб. безъ пересылки,
3 руб. 70 к., съ пере-
сылкою и упаковкою.

№ 10.

Выходятъ два раза въ
мѣсяцъ 15 и 30 или
31 числа.

1889 г.

Мая 31.

Содержаніе: Слово въ день Св. Апостола и
Евангелиста Іоанна Богослова. Въ приложеніи: о св. Влади-
мирѣ.

С Л О В О

въ день Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. (*)

*Возлюбленніи ..., не любите міра, ни
яже въ мірѣ. Аще кто любитъ міръ,
нѣсть любви Отчи въ немъ: яко все, еже
въ мірѣ, похоть плотская, и похоть
очесъ, и гордость житейская, нѣсть отъ
Отца, но отъ міра сего есть (1 Іоан.
2, 7, 15, 16).*

Такъ возлюбленный ученикъ Христовъ предостерегаетъ
своихъ духовныхъ чадъ отъ того, что можетъ отвлечь хри-

(*) Произнесено въ семинарской Іоанно-Богословской
церкви.

стіанина отъ истинной любви къ Богу и ближнему, отъ исполненія заповѣди, ведущей человѣка къ свѣту. Любовь къ Богу и любовь къ міру, ко всему мірскому, такъ противоположны другъ другу, что нельзя любить міръ и вмѣстѣ съ тѣмъ любить Бога, подобно тому какъ нельзя съ одинаковымъ усердіемъ работать въ одно и тоже время двумъ господамъ. Между тѣмъ по самымъ условіямъ своей жизни почти всякій человѣкъ поставленъ въ самое ближайшее отношеніе ко всему мірскому, а внимательный взглядъ на современную жизнь, съ ея стремленіями и требованіями, открываетъ намъ, что на ряду съ мрачнымъ взглядомъ на мірскую жизнь, стремленіе къ этой именно жизни есть наиболѣе господствующее. Почти каждый заботится объ удобствахъ жизни, каждый стремится къ счастью. Но это стремленіе къ счастью, законное для человѣка, созданнаго для блаженства, впадаетъ въ ту крайность и односторонность, что когда высказывается желаніе „наибольшаго счастья для наибольшаго числа людей“, имѣется въ виду прежде всего и главнымъ образомъ сокращеніе физическихъ бѣдствій и матеріальныхъ нуждъ, слѣд., увеличеніе вообще внѣшняго благосостоянія: человѣкъ собираетъ себѣ сокровище здѣсь, на землѣ, въ мірскомъ полагаетъ цѣль своей жизни. Тѣмъ же самымъ, на сколько дается счастья здѣсь, на землѣ, измѣряется и достоинство собственно духовнаго развитія человѣка. Все это необходимо отражается дурными послѣдствіями на всемъ строѣ человѣческой жизни и людскихъ отношеній. Такъ что и теперь благовременно сказать словами Св. Апостола: „возлюбленніи, не любите міра, ни яже въ мірѣ“.

Прекрасенъ Божій міръ и если въ немъ нѣтъ уже того совершенства, которое обозначено словами „вся добра зѣло“,

тѣмъ не менѣе, смотря на красоту твореній, человѣкъ воздаетъ хвалу Создателю. Какъ выраженіе Божественной премудрости, этотъ міръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе и благодати Божіей къ человѣку, такъ какъ въ немъ все дано для человѣка „обильно въ наслажденіе“ (1 Тим. 6, 17). Удовольствія и радость жизни земной не недоступны и для христіанина, доступно для него и пользованіе земными благами. Онъ не лишень ихъ, какъ полный человѣкъ, обладающій духовно-тѣлесною природою, стремящійся при посредствѣ всѣхъ врожденныхъ ему потребностей и задатковъ къ извѣстному высшему идеалу и, по мѣрѣ осуществленія этого идеала, естественно встрѣчающій на пути своемъ наслажденія разнообразными удовольствіями и благами міра. И Самъ Спаситель нашъ не презиралъ этого земнаго міра, но то пользовался имъ для выраженія божественныхъ истинъ, то Самъ не отказывался иногда принимать участіе въ тѣхъ удобствахъ жизни, которыми пользовались другіе. При подчиненіи одной высшей цѣли—стремленію къ нравственному совершенству,—единенію съ Богомъ, вся земная жизнь есть благо, всѣ предметы міра—творенія Всеблагаго Творца. Но какая происходитъ перемѣна, когда предметы окружающаго насъ міра, удовольствія, радости и удобства земной жизни, добрыя сами по себѣ, изъ подчиненнаго состоянія переходятъ въ господственное! Ставши цѣлью земной жизни, они совершенно измѣняютъ характеръ нравственнаго настроенія человѣка и его нравственной дѣятельности. Освободившись отъ власти надъ ними духа человѣческаго, подчинявшаго ихъ высшей цѣли, они стараются подчинить его себѣ, найдя для себя среднюю почву—тѣлесную природу человѣка. И вотъ, приобрѣтая весь міръ, человѣкъ вредитъ душѣ своей! (Мѡ. 16, 26) Этотъ вредъ для души происходитъ не отъ самихъ

предметовъ и радостей земной жизни: они добры сами по себѣ, но отъ тѣхъ страстей, которыя ими возбуждаются, отъ того употребленія, какое дѣлаетъ изъ нихъ человѣкъ, благодаря своей порочности и склонности ко всему грѣховному дѣлая и самые предметы нечистыми: невинно вино, но пьянство уворизненно (Притч. 20, 1). Ближайшее слѣдствие сильной любви къ міру—отсутствие въ человѣкѣ любви къ Богу, а такъ какъ любовь къ Богу выражается въ любви къ ближнему, то и—недостатокъ любви къ ближнему. Любовь къ Богу есть цѣль человѣческой жизни, ея опредѣляется такъ долженъ жить человѣкъ, только чрезъ нее человѣкъ достигаетъ своего назначенія—блаженства, потому что только при ней возможно истинно-нравственное совершенство, а міръ же при любви къ Богу не цѣль, а средство для достиженія нравственнаго совершенства. Начинаетъ человѣкъ любить міръ дѣлаетъ своимъ идоломъ, высочайшею цѣлью какое нибудь существующее на землѣ благо, хочетъ овладѣть имъ, измѣняется главная цѣль его жизни—любовь къ Богу,—измѣняются и другія цѣли жизни, измѣняется и характеръ всего поведенія нравственнаго. Дѣлаетъ человѣкъ цѣлью своей жизни чувственныя наслажденія, т. е., имъ придаетъ въ жизни преимущественную силу и значеніе,—является въ немъ *хоть плотская*. „Хочу жить въ свое удовольствіе“, говоритъ такой человѣкъ и все подчиняетъ этому своему желанію. Когда же чувственность совершенно подчиняетъ себѣ человѣка для него ничего не остается ни святаго, ни постыднаго: ни чистота и цѣломудріе себя и другихъ, ни нравственное, ни внѣшнее безобразіе. Сколько благъ на землѣ, сколько потребностей въ тѣлѣ человѣка, столько полныхъ удовольствій и областей для преданнаго чувственности, и для каждой изъ нихъ образуется въ немъ особая склонность. „Это есть фл

вическая потребность", „этого необходимо требует моя природа“, таковъ отвѣтъ, такое оправданіе часто можемъ мы слышать теперь, когда удовлетвореніе каждой потребности признается законнымъ и даже необходимымъ. Правда, есть въ человѣкѣ потребности вполне ему свойственныя, какъ существу тѣлесному, но не „душа ли лучше тѣла“? Всѣ эти, хотя бы и законныя, потребности, всѣ онѣ должны быть въ подчиненіи духу, для всѣхъ ихъ должна быть положена граница въ удовлетвореніи, назначено время, возрастъ и состоянія, чтобы онѣ не вносили разстройства въ жизнь души. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о тѣхъ потребностяхъ, которыя образовались въ человѣкѣ уже какъ слѣдствіе чрезвычайнаго удовлетворенія вполне законныхъ потребностей, напр., лакомство, роскошь и т. п. Въ этомъ чувственномъ стремленіи къ міру и заключается причина многихъ нестроений, предмета всеобщихъ жалобъ, — эгоистическаго желанія пожить на счетъ другихъ, хищенія, неотзывчивости сердечной на бѣдствія ближнихъ. Потребности подъ влияніемъ привязанности къ міру развились и все, исполненіе чего могло бы быть оставлено безъ ущерба для жизни, требуетъ средствъ для своего удовлетворенія, а ихъ нужно силой брать у жизни. Поэтому можно ли ждать самопожертвованія, когда всякое самопожертвованіе есть ограниченіе удовлетворенія той или другой потребности, можно ли ожидать состраданія, когда участіе въ горѣ и бѣдствіи другихъ было бы ограниченіемъ въ наслажденіи собственнымъ счастьемъ?! Можно ли ожидать любви къ Богу, когда Онъ требуетъ отъ насъ отречься себя, своихъ желаній, и идти за Нимъ? Нѣтъ здѣсь любви къ ближнему, нѣтъ здѣсь любви Отчей!

Является въ человѣкѣ порочное желаніе видѣть, знать

испытывать, возбуждаемое предметами міра, обладаніе которыми можетъ доставить человѣку удовольствіе—вотъ *похоть очесь*. „Хочу, чтобы все было мое“, говоритъ человѣкъ подвліяніемъ этой похоти. Это человѣкъ своекорыстный, онъ все дѣлаетъ только съ выгодой: такъ все у него расчитано, такъ все упорядочено, всему данъ такой ходъ, что и время и мѣсто, и вещи и лица—все, къ чему прикоснется его рука и мысль,—несетъ въ его сокровищницу сродную себѣ дань. Личная польза,—интересъ,—это коренная пружина вездѣ и всегда приводящая въ дѣйствіе его существо, и по ея возбужденію онъ готовъ все обратить въ средство для своихъ цѣлей. Его собственность дороже ему самого себя, дороже людей и божественныхъ постановленій“. Скажете: „это человѣкъ практики, теперь вѣкъ практическій“! Да, но не такимъ долженъ быть христіанинъ. Все, что есть въ мірѣ, можетъ служить ему на пользу, для достиженія нравственнаго совершенства. Но не личная выгода должна быть его цѣлью, его путеводною нитью въ жизни, а любовь, истинная же любовь не допускаетъ никакого расчета, добродѣтель не можетъ руководиться расчетомъ. Дѣятельность исключительно по расчету не возмущаетъ ли нашего нравственнаго чувства, свидѣтельствуя о томъ, насколько она противна сознанію братской любви между людьми? Не расчетъ ли личный, стремленіе соблудности личной выгоды—вина враждебныхъ отношеній между людьми, неуспѣха общественныхъ предпріятій, невыполненія должностныхъ обязанностей, обмана,—такихъ недостатковъ, на которые всѣ ссылаются, видя въ этомъ признаки конца міра? Предъ расчетливымъ человѣкомъ исчезаетъ личность человѣка, она превращается въ простое обозначеніе тѣхъ выгодъ, какія отъ него можно получить, а потому нельзя здѣсь ожидать

гуманныхъ, человѣколюбивыхъ отношеній къ ближнимъ, нѣтъ здѣсь любви къ ближнимъ, нѣтъ здѣсь и любви Отчей.

Но не только предметы внѣшняго міра, но при любви къ нимъ, удаляютъ человѣка отъ Бога, а и чрезмѣрная любовь къ самому себѣ—*гордость житейская*. Это корень всякаго зла: „начало грѣха гордыня (Сир. 10, 15), а въ гордости погибель и развращеніе много“ (Тов. 4, 14). Кажется, что опаснаго полюбоваться мыслью, съ любовью обратить вниманіе на себя самого и видѣть, что выше того, другого, третьяго? А между тѣмъ, смотрите, сколько зла происходитъ отъ этой, незначительной, и даже естественной по нашему мнѣнію мысли! Мыслию и сердцемъ возносящійся надъ всѣми, если предпринимаетъ что, предпринимаетъ не по голосу разума и совѣсти, не по совѣту мудрыхъ и внушенію слова Божія, а по своимъ соображеніямъ, потому что этого ему хочется: онъ своеволенъ; осуществляя что либо, онъ надѣется только на самого себя, а осуществивши все, относить къ себѣ и желаетъ, чтобы вездѣ все исполнялось по его волѣ; препятствіе выводитъ его изъ себя, приводитъ къ мести, а желаніе поставить себя выше другихъ понуждаетъ его къ толкамъ и пересудамъ другихъ, къ разрушенію общественнаго союза и спокойствія. Когда для человѣка предметъ любви онъ самъ, то нѣтъ здѣсь мѣста для любви къ Богу и ближнимъ. Успѣхи человѣческаго знанія, развитіе человѣка еще болѣе усиливаютъ это горделивое самомнѣніе человѣка, заставляя людей думать о свободѣ, не христіанской истиной, а о произволѣ—причинѣ многихъ беспорядковъ въ жизни общественной и семейной.

Такъ, слушатели, любовь къ міру, любовь къ своимъ страстямъ, любовь къ своимъ порочнымъ расположеніямъ и

предметамъ, ихъ возбуждающимъ, отвлекаетъ человѣка отъ любви къ Богу и ближнему. Побѣдить, искоренить эти наклонности, когда они утвердились въ насъ, разумѣется, несравненно труднѣе, чѣмъ при первомъ ихъ появленіи. Таковъ законъ отношеній между міромъ и человѣкомъ, что если разъ допускается послабленіе воли въ пользу міра, міръ начинаетъ овладѣвать человѣкомъ, давать направленіе его волѣ: одно дѣйствіе *нашей* воли влечетъ другое подобное же. Пусть же каждый проникнется убѣжденіемъ, что всѣ земныя блага суть только средства для достиженія высшей цѣли—нравственнаго совершенства. Заповѣдь о господствѣ человѣка надъ всею землею и управленіи ею требуетъ отъ человѣка воздержанія и всегдашней готовности сдерживать слѣпыя инстинкты своей природы, поработавшей человѣка крѣпче всякихъ узъ. Всѣ внѣшнія земныя блага, какъ выраженіе власти человѣка надъ внѣшнею природою, служатъ очевиднѣйшимъ доказательствомъ его внутренняго нравственнаго развитія, человѣкъ же живущій только слѣпыми инстинктами, грубыми страстями, неразвившійся до самосознанія и самообладанія не достоинъ названія человѣка, и словомъ Божіимъ уподобляется животнымъ закалаемымъ (Пс. 48, 13, 21). Опытъ самонаблюденія, внутренней и внѣшней сдержанности, сознаніе своего нравственнаго достоинства и высокаго назначенія,—вотъ что можетъ предохранить насъ отъ пагубной любви къ міру, дать намъ возможность, при помощи Божіей, воспитать въ себѣ любовь Отчую, любовь къ ближнимъ,—это зиждительное, все подчиняющее себѣ начало нравственной жизни христіанина, основаніе внутренняго неувядаемаго вѣчнаго счастья, неизмѣняющагося при всѣхъ бѣдствіяхъ земной жизни.

Къ вамъ обращаю свое слово, мои юные слушатели!

„Не любите міра, ни яже въ мірѣ“. Готовась жить и живя въ мірѣ, не любите всего того, что въ этомъ мірѣ возбуждаетъ человѣческія страсти, порочныя расположенія. Напротивъ, старайтесь воспитать въ себѣ любовь Отчую и любовь къ ближнимъ, чтобы противостоятъ всѣмъ соблазнамъ міра. Дни молодыхъ лѣтъ — дни лукавыя, когда нужно поступать не какъ неразумнымъ, но какъ мудрымъ (Еф. 5, 15). Въ эти дни, когда еще не вполне окрѣпла воля, всего болѣе нужно слѣдить за самимъ собою, вникать въ себя. Здѣсь должно быть положено основаніе царства Божія во внутреннемъ человѣкѣ, здѣсь должна — возрасти и окрѣпнуть любовь къ Богу и ближнимъ. Между тѣмъ ваши лѣта столько представляютъ соблазновъ! Молодость силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, быстрота и живость воображенія, огонь чувства въ ваши годы скорѣе увлекаются соблазнами міра сего, нежели въ зрѣломъ возрастѣ. Что же будетъ, если вы, при множествѣ соблазновъ, будете уступать имъ, помрачая чистоту сердца, затѣмняя внутреннее око души, которое еще впоследствии должно служить вамъ, какъ кормчій въ волнахъ моря житейскаго? Кто поручится, что въ зрѣломъ, совершенно возмужаломъ, возрастѣ вы будете имѣть силы подавить наклонности, расположенія, пріобрѣтенныя въ молодости? Усвоеніе вами возвышеннаго знанія, будущее назначеніе многихъ изъ васъ — стать духовными руководителями другихъ еще болѣе обязываетъ васъ хранить чистоту сердца, чистоту помысловъ и воли, внѣ привязанности къ міру. Привязанность ко всему земному отнимаетъ у ума силу аснаго пониманія вещей, силу возвышаться надъ земнымъ, чувственнымъ и думать о духовномъ. Возвышеннѣйшая христіанская истина для полнаго усвоенія ея не только умомъ, знаніемъ, но и сердцемъ, требуетъ чистаго сердца, чистыхъ помысловъ. Можно быть ученымъ богословомъ, но сво-

имъ чувствомъ быть далекимъ отъ христіанской истины, считать ея изученіе только средствомъ для жизни въ смыслѣ житейскомъ, а это не есть полное, истинное знаніе христіанской истины, усвояемой сердцемъ. Если же вы въ самихъ себѣ не воспитаете христіанскаго настроенія, а дадите просторъ и свободу порочнымъ наклонностямъ, то въ чемъ вы найдете силу для воспитанія другихъ христіанами? „Если соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою?“ (Мѡ. 5, 13). Да будетъ же направлено ваше желаніе къ тому, чтобы воспитать въ самихъ себѣ любовь Отчую и къ ближнимъ, при сознаніи, что все земное приложится вамъ. Любовь Св. Ап. и Ев. Іоанна Богослова, отъ молодыхъ лѣтъ возлюбившаго Господа, любовь, которая давала ему возможность глубоко, невыразимо глубоко чувствовать то, чему онъ училъ другихъ, да послужить для васъ образцомъ при воспитаніи въ себѣ духа любви христіанской, а не къ міру. Молитесь ему, чтобы онъ испросилъ вамъ силу для воспитанія въ себѣ началъ истинно христіанскаго характера, который помогъ бы вамъ противостоять всѣмъ соблазнамъ міра и быть въ послѣдствіи истинными служителями Слова! Аминь.

Преподаватель *Ал. Преображенскій*.

Калуга. Въ Губ. Типогр. Печатано съ разрѣшен. цензуры.

Редакторъ Протоіерей *І. Любимовъ*.

О ВЛАДИМИРѢ СВЯТОМЪ

О ВЛАДИМИРѢ СВЯТОМЪ.

(Отрывокъ изъ труда о коренной—западной, Галицкой, южной Руси)

Къ 900 лѣтію крещенія Руси.

Соч. Михаленко.

КАЛУГА.

Типографія Губернскаго Правленія.

1889.

Приложіе къ № 10 Кал. Еп. Вѣд. за 1889 г.

О ВЛАДИМІРѢ СВЯТОМЪ.

(Отрывокъ изъ труда о Руси коренной, западной и галицкой)

къ 900 лѣтію крещенія Руси.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Арабскіе писатели именуютъ 3 русскославянскихъ земли: одну сѣверо-западную, новгородскую, Русь старой Лады—отъ языческаго бога Лада, Старой Руссы и Новгорода, которую они называли собственно «Славія»; другую югозападную, Кіевскую, съ большимъ городомъ на горахъ; третью, болѣе имъ извѣстную, юговосточную, которая находилась къ востоку отъ залива Русскаго (нынѣ Чернаго) моря и дала основаніе сильному Тьмутараканскому ¹⁾ нашему княжеству, оттертому затѣмъ отъ Руси Кіевской печенѣгами и половцами и уснувшему подъ напоромъ тюрскихъ и монгольскихъ племенъ. Напрасно, какъ въ «словѣ о полку Игоря» описывается, былъ предпринятъ смѣлый походъ подать ему руку помощи, «поискать Тьмутараканскаго болвана» ²⁾: не удалось достигъ того пролива, гдѣ Тьмутаракань, не удалось испить его волны, дорогой для Русскихъ. Сколькимъ столѣтіямъ нужно было протечь, чтобы Русскіе снова возвратились сюда, или вѣрнѣе сказать — достигли своего моря и разносистой пѣсни ихъ снова разгуливала по Тьмутараканскимъ волнамъ.

¹⁾ Греческая Таматарка, а прежде Фанагорія.

²⁾ в перемѣняется въ б, валь въ балъ, а въ польско-славянскомъ языкѣ и сейчасъ волна—болванъ.

Принявъ это свѣдѣніе арабскихъ писателей за вѣрное, станеть понятнымъ: отъ чего въ первомъ законодательствѣ— «Русской правдѣ Ярослава» стоятъ рядомъ Русинъ, Славинъ, Варягъ ¹⁾. Но здѣсь не мѣсто доказывать безусловную вѣрность арабскихъ сказаній о Руси. При помощи только ихъ становятся ясными всѣ предыдущіе факты нашей исторіи, и между прочимъ и торговля Руссовъ юговосточныхъ въ древнихъ Волгарахъ, и существованіе колоній русскихъ купцовъ въ древнемъ Итилѣ, (гдѣ нынѣ Астрахань), столицѣ Козарскаго Кагана, и морскіе походы сперва по Дону, затѣмъ волокомъ на Волгу и наконецъ уже по Каспію ²⁾, къ берегамъ Персіи. Станеть тоже понятнымъ,—противу какихъ руссовъ (враговъ міра) Козарскій Каганъ заключилъ союзъ съ Византійскимъ Императоромъ, который прислалъ ему инженера Петрону, чтобы построить на сказанномъ волокѣ крѣпость Саркель. Станеть понятнымъ,—какимъ образомъ воинственный Святославъ, называвшій серединою земли своей Переяславль на Дунаѣ въ Болгаріи, гдѣ онъ хотѣлъ и столицу основать, поближе къ Константинополю—(постоянной и давней цѣли Руссовъ) и къ мѣсту родины матери своей болгарской княжны изъ Плескова на Дунаѣ, нашель все-таки возможнымъ предпринять походъ и на востокъ для разрушенія Саркела. Онъ не зналъ, конечно, что, разрушая Саркель, облегчаетъ путь дикимъ ордамъ Печенѣговъ, которые, пользуясь его отсутствіемъ, осадили и самый Кіевъ. Мы придали болѣе значенія сухопутному походу Святослава, чѣмъ морскимъ походамъ подъ Царьградъ, потому что послѣдніе считаемъ лишь смѣлыми и блестящими набѣгами съ цѣлью

¹⁾ Варяги были наемнымъ войскомъ у русскихъ князей, какъ потомъ печенѣги и какъ сама Русь бывала наемнымъ войскомъ раньше у Козарскихъ Кагановъ. Варяги варги, а съ перестановкою „враги“, такъ называли Руссы Нормановъ.

²⁾ Прежде Валынское море, а съ любимымъ у насъ придыханіемъ до сихъ поръ народомъ употребляемымъ—ай, либо Х=Хвалынское. Валынъ, Валыняне наши и сейчасъ на лицо. Измѣненіе гласной о на а есть дѣло произношенія, какъ и сейчасъ для однихъ Москва а для другихъ—Масква, Москава.

обогащенія; походъ же Святослава есть дѣло сознательное, историческое и государственное. Оно есть плодъ сознанія общности славянскихъ племенъ, не смотря на разъединеніе ихъ на видовыя особи; оно указываетъ на общность языка у нихъ, что потомъ и подтвердилось безповоротно тѣмъ, что священное писаніе, написанное на одномъ языкѣ, было всѣмъ славянамъ понятно. Походъ Святослава походилъ не на вторженіе, а на давнее общеніе между племенами. На это указываютъ факты исторіи, но здѣсь не мѣсто приводить ихъ. Довольно лишь сказать, что около мѣстъ Тьмутараканскаго русскаго княжества Греки указывали и Черныхъ Болгаръ, по имени находящейся тутъ черной протоки. Это славянское племя, войдя въ Европу послѣднимъ изъ славянъ, не вдругъ и не все прошло на балканскій полуостровъ. Видимо, что у Руссовъ съ Волгарами были старое знакомство и старые счеты.

Но личность Святослава, оставившаго намъ никогда не умирающій завѣтъ храбрости въ битвахъ: «только умершіе срама не имуть», — исчезаетъ все же передъ величіемъ его сына, который въ складнѣ народной памяти поглотилъ собою все лучшее: онъ и «красное солнышко», онъ и «свѣтъ земли русской», онъ и «ласковый» и въ тоже время такой «великій богатырь», что около его личности сосредоточены всѣ богатыри русской земли. И это вѣрно. Лѣтописи могутъ сторгать, истребляться инымъ путемъ, лѣтописи могутъ перевиравать, смотря по происхожденію и личнымъ политическимъ связямъ писавшаго, а складница памяти народной переживаетъ вѣка. И дѣйствительно: прошло 900 лѣтъ, а Владиміръ для народа все тоже «солнышко ясное» и все по прежнему величаво стоитъ, окруженный сонмомъ своихъ богатырей. Что же онъ сдѣлалъ особеннаго? Взгляните только на него и со стороны вѣшнихъ границъ государства, и со стороны его внутренней цементировки, и со стороны направленія политическаго, — и увидите, что это одинъ изъ величайшихъ людей не только Руси, но всѣхъ временъ и народовъ.

Во 1-хъ Онъ указалъ основныя границы Руси. А имен-

но: выдержавъ борьбу съ Ляшскимъ княземъ Болеславомъ I-мъ, Владиміръ, въ результатъ побѣдъ своихъ, отобралъ Холмъ, Перемысль и многіе червенскіе грады, какъ говоритъ лѣтопись, т. е., Червонную, Галицкую Русь, Галицію нынѣ, и границу съ запада поставилъ Карпаты, Сянъ и Вислу. Онъ ходилъ къ Балтикѣ (прежнее Венедское славянское море, такъ какъ именами Венеды, Венеты, Венды называли славянъ отъ прежняго названія Ваны), тамъ покорилъ Ятвяговъ, гдѣ затѣмъ и основаны русскіе города, напримѣръ Юрьевъ (нынѣ Дерптъ), и введено православное христіанство. Съ мѣсть Старой Ладogi (отъ языческаго бога Лада), а въ то время уже Новгорода, по арабскимъ же писателямъ «сѣверной Славiи», ходилъ для покоренія Вятичей ¹⁾, затѣмъ и подъ богатые Волгары ²⁾, которые, бывши смѣсью племенъ со славянскимъ цементомъ, уцѣлѣли вслѣдствіе частію сейчасъ сказаннаго, а частію данной ему клятвы быть вѣрными союзниками, пока «хмѣль не начнетъ тонуть, а камень не начнетъ плавать». Предпринимая походъ на востокъ отъ Кіева, отогналъ далѣе къ востоку Печенѣговъ, сдѣлалъ Козарь данниками Руси, на Кавказѣ бралъ дань съ Косоговъ; а послѣ побѣдъ его въ этой сторонѣ не удивительно, что исторія скоро предъявила намъ наличность весьма сильнаго русско-славянскаго княжества Тьмутараканскаго съ главнымъ городомъ на нынѣшней Тамани, какъ и писали давно уже объ наличности тутъ Руссовъ писатели арабскіе. Затѣмъ, ходилъ къ Черному (Русское море писателей арабскихъ) морю и со стороны западной, гдѣ осадилъ Корсунъ (Херсонесъ) на нынѣшнемъ полуостровѣ Крымскомъ или Таврическомъ, взялъ съ бою Корсунъ, чтобы тамъ креститься, въ случаѣ уступокъ

¹⁾ Вятичи племя славянское. Не нужно смѣшивать съ финскимъ племенемъ Вотяковъ.

²⁾ Пишу Волгаре—отъ Волга—влага—вода. А буква в переходитъ въ б особенно у тюркскихъ племенъ, отсюда Волгаре. Татары и сейчасъ Волгу зовутъ Булга, а при усиліи произнести „Волга“ выходитъ у нихъ Буолга. Росъ и Русь они произносятъ Уросъ, Урусъ.

Византійскаго Императора требованіямъ его ¹⁾). Ходилъ, говорить исторія, въ роли уже союзника того Императора, и въ страны закавказскія, въ Малую Азію, хотя еще и не извѣстно, сухопутно или на ладьяхъ черезъ Черное море, какъ привыкли достигать такимъ путемъ предки Владиміра до самаго Царьграда. Ходилъ и далѣе главнаго Карпатскаго хребта на западъ на помощь Хорватамъ, какъ братьямъ же славянамъ.

Во 2-хъ—черезъ принятіе христіанства и чрезъ мирное введеніе его почти во всѣхъ подвластныхъ земляхъ, съ написаніемъ его закона на природномъ славянскомъ языкѣ, онъ вѣрою и языкомъ такъ связалъ въ единое цѣлое всѣ подвластныя племена, что этого единства не могли вполнѣ разорвать ни жалкіе удѣльные споры, ни гнусное ренегатство ²⁾, особенно въ западной коренной Руси; онъ далъ единообразіе внутренняго строя, приглашалъ разнаго рода ученыхъ; строилъ училища.

Нынѣ, когда окончилось умственное опекунство Нѣмцевъ (въ родѣ напримѣръ Шлецера, человека способнаго, но съ узконѣмецкимъ патріотическимъ взглядомъ и съ явно-политическою цѣлью искажившаго начало русской исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣтопись Нестора), и когда у насъ наш-

---

¹⁾ Гордый, онъ хотѣлъ завоевать вѣру, тѣмъ болѣе, что его бабѣ Ольгѣ не оказали въ Константинополѣ требовавшихся почестей.

²⁾ А до чего вѣра и языкъ могутъ перерождаютъ народъ, особенно при примѣси постороннихъ племенъ, показало намъ Болгарское царство; магометанство съ арабскимъ обязательно языкомъ лишило насъ даже возможности разобраться въ народной его личности. Мы теперь съ одной стороны знаемъ лишь существованіе татаръ, какъ будто чего-то цѣльнаго, за ихъ вѣру и языкъ, но съ другой—видимъ полную разницу ихъ происхожденія: тутъ всѣ постепенности отъ широкоскулыхъ и толстогубыхъ, черезъ племя, подобное Чувашамъ съ ихъ узкой китайскою расщелиною вѣкъ и слабогрудымъ сложеніемъ, до Мордовскаго и Европейскаго типовъ.

О ВЛАДИМІРѢ СВЯТОМЪ.

(Отрывокъ изъ соч. о Руси коренной).

I.

Святынею Кіевъ сіяеть
 Надъ Русью изъ дальнихъ вѣковъ,
 Молитвы за Русь возсылаеть,
 За крѣпость народныхъ основъ ¹⁾.
 Отсюда ладьи выводились
 Въ бурливое море на споръ,
 По волнамъ, какъ рыбы, носились
 И волнамъ давали отпоръ!
 Царьградъ былъ любимой мечтою ²⁾
 Удалыхъ безстрашныхъ бойцовъ,
 И ужасомъ смерти, бѣдою
 Никто не смутилъ храбрецовъ!
 Отсюда на волны Дуная,
 Великою славянской рѣки,
 Мечами, какъ молнией, сверкая,
 Храбрѣйшія рати текли:
 То былъ Святославъ громоносный!
 Дунай онъ отчизной считалъ
 Любимецъ войны смертоносной, —

¹⁾ Понятно, что по отношенію къ настоящему времени здѣсь
 умѣется Клевопечерская Лавра, а не наличный скопъ Поля-
 новъ и Евреевъ и не тунедные мѣстные выродки, страпающіе
 кой-то обособленный, на польскій ладъ, языкъ подъ именемъ
 белорусскаго, на пользу враговъ нераздѣльности Руси.

²⁾ Походъ Олега, отъ котораго Царьградъ откупился боль-
 юю контрибуціей и который прибилъ свой щитъ побѣдный на
 стѣнахъ его.

Столицу онъ тутъ ¹⁾ основалъ.
Средь битвъ, черезъ волны Дуная
И горныя кручи Балканъ
Прошолъ, себѣ все покоряя,
У Едирне ²⁾ былъ его станъ.
Вѣдь «мертвые срама не имуть»! —
Герой заповѣдалъ намъ здѣсь, —
И русскіе поля не кинуть,
Безъ стойкости въ битвѣ, донесъ!
Здѣсь Ольга: то — мать Святослава,
Покинувъ Плесковъ ³⁾ и Дунай,
Была для насъ — Русская слава,
Въ душѣ ея чистый былъ Май.
Сіяніе вѣры Христовой,
Лучи вѣговѣчной зари!
Не гасни заря, ты, заря жизни новой!
И солнцемъ для Руси взгори ⁴⁾!

II.

Отсюда Владиміръ по взморью
И Тьмутараканью владѣлъ,
И рати ходили къ подножью
Кавказа, гдѣ вѣчно бѣлѣлъ
Обвалъ за обваломъ снѣгами,
Съ Косоговъ онъ дани тамъ бралъ ⁵⁾.
У Балтики ⁶⁾, гордой ладьями

¹⁾ Переяславль на Дунаѣ.

²⁾ Нынѣ Адрианополь, не далеко уже отъ Царьграда.

³⁾ По послѣднимъ изслѣдованіямъ Ольга — болгарская княгиня изъ г. Плескова на Дунаѣ.

⁴⁾ Болгарская княжна изъ Плескова на Дунаѣ, Ольга, очевидно, желала принять христіанство и водворить его на русскія земли, но не достало властной воли, чтобы выполнить желаніе.

⁵⁾ И это неудивительно, когда Руссы съ 944 года владѣли значительное время по р. Куръ важнымъ городомъ Берду.

⁶⁾ Венедское море.

Норманновъ, Ятвяговъ онъ взялъ,
Судьбы выполняя вельнѣя,
Онъ окомъ орлинымъ смотрѣлъ
Къ востоку, гдѣ Волгарь владѣнѣя,
И къ югу, гдѣ Каспій шумѣлъ.
Новъ-городъ ¹⁾ былъ частью княженѣя,
И землю всю Вятичей ²⁾ взялъ
Владиміръ себѣ во владѣнѣя,
Лады съ нихъ для рати собралъ,
И дальше стремился къ востоку.
Вотъ плещетъ игриво волна,
Даль скрыта пытливому оку,
То-Волга, то-вьется она!
Чѣмъ дальше, тѣмъ шире, волнѣе
Клубится и пѣнится валь,—
Владиміръ лишь дышетъ полнѣе,
И весель, и радостенъ сталъ!
Пылъ битвъ для него наслажденье,
Его не страшить вѣдь борьба!
Для рати законъ — повелѣнѣе,
Владиміръ для рати судьба!
Вотъ городъ великій и шумный —
Столица прирѣчныхъ Волгарь:
Мирится Владимиръ нашъ умный,
Беретъ съ нихъ богатый лишь даръ,
И вѣчный союзъ заключаетъ,
И клятву по вѣрѣ беретъ ³⁾,
Здѣсь Кіеву ⁴⁾ грань полагаетъ
И рати обратно ведетъ.

¹⁾ Княжилъ ранѣе въ Новгородѣ съ дядею Добрыней, законѣлымъ язычникомъ.

²⁾ Вятичи — славянское, а не чудское племя. Не нужно смѣшивать съ Вотяками.

³⁾ Волгары клялись въ вѣрности и нерушимости союза, пока „хмѣль не начнетъ тонуть, а камень не станетъ плавать“.

⁴⁾ Слово Кіевъ употреблено въ смыслѣ Кіево-русско-славянскаго царства, или просто владѣнїя.

На западъ Сянь и Карпаты
Онъ гранью отчины считалъ;
Хоть хитростью Ляхи чреваты,
Онъ Холмъ, Перемысль отобралъ
И «многи Червенскіе грады» ¹⁾
Земли, что Червонной звалась ²⁾;
Но болѣе было отрады,
Какъ рать и на Вислу рвалась.
Родство межъ славянъ сознавая,
На помощь Хорватамъ ходилъ,
И силу свою создавая,
Восточныхъ Хозаръ покорилъ ³⁾.
Исторія намъ лишь сказала,
Что онъ въ закавказье ⁴⁾ ходилъ
Лдяною ли высю Кавказа,
Иль рати лядями водилъ,
Не знаемъ; но слава гремѣла
И тамъ, гдѣ святая земля,
Гдѣ райски она зеленѣла,
Иль выжжены зноемъ поля

III.

Тагъ дѣды намѣтили грани:
Карпаты, и Вислу и Сянь;
Бъ Царьграду несли свои брани,
Черезъ море и кручи Балканъ
Съ столицей на брегъ Дуная;
Склонялъ сѣдовласый Кавказъ
Главы ледяныя, внимая,
Какой будетъ Руси наказъ ⁵⁾;

¹⁾ Слова лѣтописныя.

²⁾ Послѣ Галицкая Русь, а нынѣ провинція Австріи (Галиція, гдѣ властвуютъ Поляки со своими иезуитами)

³⁾ Обязалъ платить дань Руси.

⁴⁾ Походъ въ Малую Азію.

⁵⁾ Долго владѣли по р Курѣ однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ „Берда“.

По Русскому ¹⁾ морю ладьи ихъ носились;
Валынское ²⁾ море по Руси звалось; И
Венедское ³⁾ шумомъ войны огласилось,
И Руси владѣнье далеко несло
На сѣверъ — за Ладогу, съ бурей холодной,
Къ востоку, гдѣ Волга шумить,
Гдѣ Камы система съ волной многоводной,
Гдѣ Волгарь владѣнье лежитъ.

Волгу все, поворотомъ несутъ катерины
Вашъ царь (възвѣтъ) IV.

Паровна ствѣя и ступишии оубоух адТ

Владимиръ, окончивъ побѣды,

Челомъ граду-Кіеву билъ,

Но ставши славнѣе, чѣмъ дѣды,

Онъ въ лаврахъ побѣдъ не почилъ.

Въ немъ мысли, какъ волны вскипали,

Работалъ безъ усталы умъ, —

И мощные планы вставали —

Плоды сокровеннѣйшихъ думъ.

Давно въ немъ духовные очи

Отверзлись Божимъ путемъ,

И думалъ какъ дни, такъ и ночи

О Богѣ невидимомъ онъ.

Хотѣлъ теперъ вѣры Христовой

Божественнымъ свѣтомъ объять

Свои племена, чтобъ ихъ новой

Единою вѣрой связать.

Онъ мыслить: страна возликуеть

И князя почтеть за отца, —

Вѣдь истина вѣры связуетъ

Навѣки побратски сердца!

Бывало, на пирѣ раздольномъ

Въ Кривомъ устьи

Востановилъ

Въ Кривомъ устьи

Востановилъ

Востановилъ

Востановилъ

Востановилъ

Востановилъ

Востановилъ

Востановилъ

Востановилъ

Востановилъ

1) Черное съ его заливомъ — Азовскимъ нынѣ.

2) Каспій.

3) По имени славянъ: Венеды, Венты, Анты. Нынѣ Балтій-

ское, Балтика.

Владиміръ не весель сидить,
И взоръ его въ воздухъ вольномъ
Въ безвѣстныя дали глядитъ.
Не смотритъ: гречанки мелькають
Съ соблазномъ земной красоты,
А легкія дымки ласкають
Ихъ перси, рождая мечты.
Не слышитъ: перстами баяна
Звончатая гусли поють
Веселость Владиміра стана ¹⁾,
Гдѣ храбрые пляшутъ и пьютъ.
О, трудно съ исконнымъ прошедшимъ
Завѣтную связь разорвать,
Со свѣтомъ въ немъ въ мысли вошедшимъ
Народное сердце связать!
Какъ смѣлый пловецъ разсѣкаетъ
На морѣ громады волны,
Хоть чолнъ его буря взметаеть,
И, пѣны злобѣщей полны,
Утесомъ предъ челномъ вздымаясь,
Бипучія волны встають,
Но, въ злости своей задыхаясь,
Вдругъ падаютъ, волю даютъ.
Такъ точно борьба флототала
У князя на морѣ души:
То - вѣчный ей свѣтъ выставляла,
То - прелесть въ прошедшей глуши.
Взгремѣла, какъ въ тучѣ небесной,
Въ Крыму его сильная рать,
Пленилась природой прелестной,

¹⁾ Станъ—въ смыслѣ дворца, столицы, владѣнія, подобно тому какъ столъ—въ смыслѣ трона, престола и мѣста, изъ котораго исходитъ власть управленія.

Хотѣла-бъ всю къ Руси забрать...
Не такъ ея мнилъ повелитель:
Лишь силу желалъ доказать,
Чтобъ гордый Царьграда властитель
О мирѣ прислалъ умолять.
Несутся послы къ нему съ златомъ
По синимъ сердитымъ волнамъ...
И молвить Владимірь: «булатомъ»
Возьму все, покорно все намъ;
Вашъ царь пусть дастъ мнѣ невѣсту,
Царевна плыветь пусть сюда;
Вотъ крѣпкій Корсунь—паль, и къ мѣсту,
Гдѣ всталъ я, не будетъ слѣда.
Ни грековъ, ихъ рѣчи, значенья,
Ни вѣры, что правой зоветъ.
Исполнивъ мои повелѣнья,
Онъ дружбу и миръ извлечетъ!

VI.

Какъ громъ роковой поразила
Царевну нежданная вѣсть.
Затмился свѣтъ ясный свѣтило:
Въ тревогѣ мечта стала плестъ
Всѣ ужасы Руси далекой,
Невѣдомой чуждой страны,
И въ морѣ—пучинѣ глубокой
Шумливой и бурной волны.
Прочъ, свѣтлое все одѣянье
Изъ коа ¹⁾, и нѣжный виссонъ, ²⁾
Алмазовъ, какъ солнце, сіянье!

¹⁾ Коа—легкая прозрачная ткань, которою довольствовались танцовщицы, а другіе, если и имѣли одѣяніе изъ коа, но сверху надѣвали другую одежду.

²⁾ Виссонъ—дорогая мягкая ткань и болѣе изъ пуху, цвѣтомъ желтая, либо пурпуровая.

Прочь, тихій ласкающий сонъ!
Надѣла лишь темныя ткани,
На перси же крестъ золотой,
Какъ будто предъ смертью, средь брани,
Влюбленный женихъ молодой.
Не страхъ только душу волнуетъ:
Въ ней сильный прибой и отбой!
Въ ней сердце уже не внимаетъ
Велѣнію воли святой.
«О, Божія Матерь! покровы
«Простри благодатной любви
«Надъ мною несчастной! Оковы
«Съ души безпокойной сорви!
«И идоловъ страшное знамя
«Съ язычника Ты удали,
«Возжги въ душѣ чистое пламя
«И свѣтомъ любви опали!
«Пусть сгину въ странѣ той холодной,
«Какъ звѣздные гаснуть огни;
«Но духъ его съ жаждой голодной
«Христовой водой утоли!»
Ей очи туманъ покрываетъ...
Сбирается чистой росой...
Ланиты ея обмываетъ
Святою горячей слезой...
Молись! благодатныя слезы!
О, вѣрующей крѣпко души—
Уймутся печальныя грезы!
Отраднo вновь будетъ въ глуши!
Молись! и слезы пусть льются
На перси и крестъ золотой!
И вѣрь,— что онѣ тамъ сольются
Въ источникъ живой и святой!

VII.

Такъ гордой и грозной войною,
Велѣніемъ воли своей,

Владиміръ все высшее съ боюдой,
У сильного взялъ изъ царей,
И онъ уже ждетъ не дождется,
Тревога въ душѣ настаеть,
А море — то тихо, то бьется,
То бѣлымъ утесомъ встаетъ,
Измученный царственной думой
Въ объятія ночи идетъ;
Но съ тою же думой угрюмой
Онъ съ зорькою вмѣстѣ встаетъ.
Однажды въ сіяніи ночи
Онъ долго въ глубь неба глядѣлъ,
Все думушку думалъ, и очи жидуны
Устали, ихъ сонъ одолѣлъ,
И видитъ онъ небо.... сіянье...
И слышитъ онъ ангельскій хоръ,
Въ немъ къ Богу любви изліянье,
Вперилъ туда мысленный взоръ,
Въ лазури тамъ лиги сіяютъ,
Во взорахъ играетъ любовь,
И звѣзды ея отражаютъ,
И звѣзды роятся въ ней вновья,
Изъ лиговъ чудесныхъ, священныхъ,
Одинъ возсіялъ всѣхъ яснѣй...
Любви изъ очей вдохновенныхъ
Лучи изливались сильнѣй,
И онъ съ изумленіемъ видитъ,
То — мать Святослава, отца;
Рванулся къ ней, будто и слышитъ,
Не смогли отторгнуть лица:
«О, внукъ мой! Владимиръ избранный!
«Сорви мой томящій недугъ,
«И будешь, какъ Богомъ желанный,
«И будешь ты небу свой другъ,
«Я легкимъ, какъ сонъ самъ, объятьемъ
«Тебя, о, мой внукъ! обовью
«И Божьяго Сына распятъемъ»

«Любовью его осѣню!»
«Крестись! Милліоны съ собою!»
«Народовъ подвластныхъ веди!»
«Подъ знамя креста! Съ вѣковой!»
«Любовью душой припади!»
«Русь будетъ могучей державой;»
«Вѣдь свяжешь единствомъ народъ!»
«Развитіемъ, силой и славой!»
«Прославишь на вѣки свой родъ!»
Исчезла... сокрылось видѣнье...
Возсталъ и Владиміръ отъ сна...
Прибой чуетъ силу, вдохновенье...
Въ груди же—любовь, тишина!
Онъ глянулъ на небо: съ востока зарница,
Съ сіяніемъ чистымъ встаетъ;
Подъ самымъ окошкомъ залетная птица
Отрадно и нѣжно поетъ;
Лазурь такъ прозрачна, ласкается,
Лучами мигая, звѣзда;
И свѣжее утро его обнимаетъ.
О, если бъ такъ было всегда!
Онъ вышелъ къ дружинѣ... Объята
Огнемъ его взоромъ, стоитъ,
Какъ будто въ ней воля отнята,
Желанья исчезли... слѣдить
За взоромъ съ благоговѣньемъ,
Велѣнія княжаго ждать,
И, мнится ей, въ это мгновеніе—
На все она съ княземъ пойдетъ!
«Креститься всѣмъ!»— вотъ моя воля!
Дружинѣ такъ князь говоритъ,
Свершилася общая доля;
Умы ихъ вдругъ свѣтъ озарилъ..
«Покорны!»— лишь было отвѣтомъ.
Идемъ мы на все за тобой,
Лишь взоръ бы сіялъ твой привѣтомъ!
«Покорны!»— Далекой волной!

Сей откликъ дружины разлился
По долу, по морю, горамъ.
И эхомъ въ горахъ повторился,
И вновь передался волнамъ,
Что вольныя тихо бѣжали
На югъ, гдѣ царевна плыветь,
Привѣтомъ ее повстрѣчали:
Пусть счастливо съ княземъ живетъ!

VIII.

Владимиръ невѣстой плѣнился,
Брестился, женился на ней,
Съ царемъ же въ Крыму расплатился
Плодами побѣды своей.

IX.

Свершилось!... Сіяніе ночи,
Какъ день свѣтозарный блесить
И небо, сквозъ звѣздные очи,
Улыбкой отрады дарить...
Не слышится бури печальной,
И воздухъ недвижно стоитъ,
А небо, на глади зеркальной,
Какъ будто съ землею говорить.
Въ немъ милости солнце зажглося,
Отверзлась небесъ глубина
И свѣта сіяньемъ прожглося
Въ немъ чуткое сердце до дна!
Такъ спали оковы изъ тлѣнья
Въ грѣховномъ краю здѣсь, земномъ,
И ангель души искупленья
Горѣ указалъ ему домъ:
Тамъ славить Создателя будешь,
Красоты природы, любовь,
А прелесть страстей позабудешь,
Ихъ огонь не зажжется ужъ вновь!

Свершилось!... Въ обители рай
Онъ, духомъ смиренный, живетъ,
Напѣвамъ небеснымъ внимая,
Какъ ангельскій клиръ тамъ поеть...

Х.

Да! какъ ни велика та сила,
Что властная воля даетъ,
Ей все же быть можетъ могила;
Но... лишь вдохновеенье встаетъ,—
Тутъ рушатся сразу преграды,
Оно покоряетъ насъ всѣхъ, —
И даже при чувствѣ духовной отрады
И ясныхъ душевныхъ утѣхъ!
Тожь сталося съ Русью, всей массой народной:
Она, обаянная шла,
Покорная волѣ свободной,
Безстрашіе духа нашла;
И рѣки собой наполняла,
И крестъ цѣловала святой,
Внушенія всѣ исполняла
И воспринимала душой.
И такъ: отъ Карпатовъ и Сяна
До Вислы и сѣвера льдовъ,
Отъ князѣго Кіева — стана
До степи сыпучихъ песковъ,
И Волховъ, и Днѣпръ быстротечный,
И Нѣманъ, и Днѣстръ, и Двина
Объяли волною сердечной
Народъ, какъ бы сила одна!
Въ моря уплывали Перуны ¹⁾,
И Ладо ²⁾ веселый, Велесъ ³⁾,

¹⁾ Громовержець.

²⁾ Богъ веселья.

³⁾ Богъ скота, урожая и поэзіи (Балънъ—Велесовъ внукъ).

И смолкли для гимновъ ихъ струны,
Не жогъ имъ кровавыхъ жертвъ лёсъ!
А въ Кіевѣ—царственномъ градѣ
Надъ Днѣпромъ Владиміръ стоялъ,
Съ любовію, въ княземъ нарядѣ,
Молитвамъ духовнымъ внималъ,
Что въ полномъ своемъ облаченіи,
Съ крестами въ дрожащихъ рукахъ,
При стройномъ, какъ ангеловъ, пѣньи,
Въ Днѣпровскихъ холодныхъ волнахъ,
Народъ Іерархи крестили—
Мужей, матерей и дѣтей,
Въ ихъ души восторги вносили,
Чтобъ вѣру считали своей;
И жизни небесная сила
Весь Руси великій народъ
Собой обнимала,—могила
Пока не обхватитъ весь родъ!...
Онъ даже назвался «крестьянинъ»
И крѣпко свѣтъ вѣры блюдетъ.
Какъ преданный сынъ—христіанинъ,
Онъ крестъ ужь къ востоку несетъ.
Туда громоздятся, гдѣ льдины на льдины,
Песцы и медвѣди живутъ
И, будто влюбивши мракъ, холодъ, сѣдины ¹⁾,
Къ нимъ рѣки—громады текутъ;
Туда, гдѣ отъ зноя земля утомилась,
Предъ ясной весною молчить,
Песками сыпучими плотно прикрывалась
И звонко ручей не журчить;
Туда, гдѣ треть ²⁾ міра объяла
Могучею бездной вода,
Хоть берегъ земли обласкала,—
Все жь грозна морская волна!

¹⁾ Въ смыслѣ вѣчныхъ льдовъ Ледовитаго океана.

²⁾ Великій океанъ съ востока.

Туда, гдѣ въ невѣжествѣ скачутъ шаманы,
Бьютъ въ бубны, ладони, поютъ
Богамъ деревяннымъ; туманы,
Какъ тучи, нагъ лѣсомъ встаютъ,
Мѣшая съ дымомъ отъ жертвы кровавой;
Шаманъ предсказанье даетъ
И свѣжей, какъ витязь, покрывшись славой,
Кровь теплую лижетъ и пьетъ.
Туда, гдѣ, отъ зноя, въ томленьи
Сыны Магомета лежатъ,
И курятъ, и дремлятъ, въ волненьи,
Лишь вѣки устало смежатъ.
Туда, гдѣ былъ громъ отъ военного стана,
Гдѣ сгнбла рѣка, не бѣжитъ,
И вѣсн Потухла звѣзда Тамерлана
И тихо гробница лежитъ.
Но прежде— о, страшное время!—
Предъ нимъ исчезало все въ прахъ,
За племенемъ вновь гибло племя,
Стенанія, вопли и страхъ.
Его лишь повсюду встрѣчали,
Огонь слѣдомъ все пожиралъ,
Проклятьемъ его провожали,
Онъ троны ногой попиралъ.
(И) гдѣ тагъ недавно сажли
На колья, рубили главы
Заѣзжихъ гостей и ловили,
Презрѣвши позоръ и мольбы,
Въ невольницы, нынѣ привольно
Тамъ русскіе люди живутъ,
Ихъ пѣсни несутся раздольно,
Основы науки кладутъ,
Свободно летятъ амазонки,
И русскій торговецъ идетъ,
Ихъ рѣчи и смѣлы и звонки,—
Тамъ воинъ порядки блюдетъ,—
Тамъ Божіе храмы сияютъ,
Вздывая кресты къ облакамъ,

Громовер
Вогъ вест
Вогъ свѣ
Православіе
пошени.

И звѣзды небесъ отражаютъ
На память грядущимъ вѣкамъ!
Велико столь Руси значенье!
Высокъ христіанскій законъ —
Владимира предназначенье!
И всюду тамъ славится онъ!....

XI.

Владимира Русь прославляетъ:
И пѣсни о немъ воспѣваетъ,
И къ лику святыхъ сопричтенъ,
И «солнышкомъ яснымъ» сочтенъ.
Съ любовью съ тѣхъ поръ неизмѣнной,
Съ Кавказа сѣдаго, Двины,
Сибири, Москвы всѣмъ священной, —
Все къ Кіеву Руси сыны
Идутъ чрезъ болота и горы,
Чрезъ зыбкій горячій песокъ,
И вся имъ надежда опоры
На Бога, чтобъ Онъ имъ помогъ!
Влеченіе въ Кіевъ, къ святынь,
Тагъ прочно связало сердца,
Что Папа и Ляхъ, въ ихъ гордынь,
Не вырвутъ сыновъ у отца,
Ни сила, ни хитрости ковы
Отъ Руси его не возьмутъ!
И прежде рвалися оковы,
А нынѣ всю землю зальютъ
Потоками крови! Символомъ
На вѣкъ онъ почіетъ въ сердцахъ,
И братство пребудетъ глаголомъ
Во всѣхъ древнерусскихъ земляхъ
Съ Венеды до Русскаго моря,
Къ Карпатамъ, по Вислу и Сянь:
Избавимъ тамъ Русскихъ отъ горя,
Возставимъ Владимира станъ!

Михаленко.